

Игорь Белов – поэт сложившегося поэтического характера, со своей живой интонацией, узнаваемой манерой письма. Во многих своих стихотворениях он ироничен и остроумен, соблюдая, однако, меру, благодаря чему не впадает в пустопорожнее смехачество. Тем более, что его искренняя стихотворная речь отдаёт настоящей болью. Экспрессия, присущая его стихам держится на всём протяжении текста, неожиданно обретая новый поворот поэтической мысли.

Д. Ч.

ПОСЛЕДНЕЕ ТАНГО В ВАРШАВЕ

нас обоих развозит от слов разлуки плюс ко всему
валит с ног огненная вода фри-джаза
извини дорогая я футболку с тебя сниму
это все проблемы снимает сразу

всё что мы взяли у музыки мы ей всегда вернём
и она оставит нам – без вопросов –
только нервные клетки пахнувшие зверьём
и не добитую досмерти папиросу
то ли дождь прошёл то ли в причёске сверкает лак

по-любому для нас с тобой облака на порядок ниже
наши короткие жизни проглатывает мрак
словно видеомэгнитофон – кассету с «Последним танго в Париже»

бог моего сновидения он ни хера не прост
за круглосуточным баром и чёрными гаражами
музыку не для толстых он делает в полный рост
значит будет ещё у нас детка последнее танго в Варшаве

пусть шляется за тобой невыспавшийся конвой
каждый кто был в разной степени тебе близок
и пограничник-поляк загранпаспорт листает твой
как донжуанский список

ржавая магнитола играет на дне реки
в кинозале включают свет и я слышу голос почти забытый –
вставай тут Марлон Брандо погиб за твои грехи
а ты спишь как убитый

* * *

Как зашагает музыка по трупам,
шарахнув в развороченный висок,
мы выйдем в вестибюль ночного клуба,
где прошлое меня сбивает с ног.

Вот наша жизнь, сошедшая с экрана,
в которой мы в правах поражены.
Мы пьём живую воду из-под крана,
и белоснежный кафель тишины

целует в лоб мелодия любая,
и, зная, что не выручит никто,
плывёт на выход, кровью заливая
борта демисезонного пальто.

Но в парке божьем хлопают калитка,
под каблуком земля поёт с листа,
поскольку на ещё живую нитку
заштопаны холодные уста

такой убойной стихотворной строчкой,

что до сих пор, имея бледный вид,
пропитанная водкой оболочка
над аккуратной пропастью стоит,

и всё никак не делает ни шагу,
пока из лампы хлещет свет дневной,
и врач уставший ампулу, как шпагу,
ломает у меня над головой.

В ШЕСТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Барбаре Ярошук

У облаков – приступ морского боя,
шпили костёлов волю дают словам,
плыть им всегда к тебе и не знать покоя,
вечно теряя из виду огни реклам.

Я не замечу, выйдя под дождь колючий,
что миновали, двинув на звук и свет,
польские легионы сплошных созвучий
минное поле наших ночных бесед.

Южным вином залиты перископы,
и невозможно вспомнить, в который раз
ставший твоим загаром закат Европы
в зеркале лифта не провожает нас.

Но в зеркалах иных – до сих пор, пожалуй,
ты из окна мне машешь, и как вчера
щёки твои горят мировым пожаром,
а в волосах медовых гудит пчела.

В шесть часов вечера после большого взрыва,
сделав блатную музыку тишиной,
тот, кто всегда по ту сторону объектива,
будет лишь воздухом между тобой и мной.

Ну, а пока – голос его невнятен,
и ничему вообще объяснений нет,
дым над водой уклоняется от объятий,
не приезжает никто на парад планет,
только под белым от яркого солнца флагом,

делая вид, что прошлого не вернуть,
целая жизнь проходит нетвёрдым шагом,
низкие звёзды лета приняв на грудь.

ДРЕДНОУТЫ

в баре «Дредноут» ночью мне снится свинцовый дым
кошмар на улице Генделя становится вдруг родным
пену морскую с кружек ветер уносит вдаль
а чёрным дырам колонок вообще никого не жаль

за стойкой меняют пластинку так долго ищут её
будто меняют родину – ну или там бельё
в меню полыхает надпись – одевайся и уходи
всё правильно ставят группу по имени «Бигуди»

я вслушиваюсь как реки прочь от себя бегут
злодей вытирает лезвие о майку Johnny Be Good
любовь моя говорит во сне за ледяной стеной
и море шумит в заблёванной раковине жестяной

на деле же все не так и в этот сплошной отстой
с безалкогольной музыкой приправленной кислотой
приходит местное время с улыбкой но без лица
и разводит на жалость голосом Гришковца

вот мы сидим гадаем сколько нам ждать зари
если уже бледнеют ржавые фонари
на какие ещё глубины опустится не дыша
наша с тобой бессмертная силиконовая душа

разве что просигналит в память о прежних днях
тонуций супермаркет весь в бортовых огнях
и проплывут над нами спутавшиеся уже
чьи-то тела из пластика или папье-маше

только бы взять тебя когда подойдёт волна
на руки словно куклу выпавшую из окна
чтоб уловить в подъезде обнимаясь с тобой
искусственное дыхание ровное как прибор

ПАМЯТИ НАТАЛЬИ ГОРБАНЕВСКОЙ

У нас без усилий сгорали мосты,
вагоны сквозь обморок плыли,
не знавшие сна жестяные цветы
всходили из лагерной пыли.

Мы пили из рек, покотившихся вспять,
молчания мёртвую воду,
как будто никто не хотел умирать
за нашу и вашу свободу.

Вот сделалась облаком устная речь,
прочитаны книги для взрослых,
а кто мы и в землю какую нам лечь
не скажут ни Прага, ни Вроцлав.

И лишь постояльцы пустых пирамид,
хозяева скважин глубоких
опять раздают оплеухи в кредит,
пируя в своём пищеблоке.

За нами, как сказано, не пропадёт –
смахнем декорации эти,
и звезды такой совершат оборот,
что вздрогнет посуда в буфете.

Холмы и деревья не ждут перемен,
меняя листву и пароли,
а мир благодарней решеток и стен,
пока он не вышел из роли,

пока у тебя остается один
единственный выход на площадь,
пока переборки живых субмарин
ворованный воздух полощет.

СТИХИ О МАЛЫШЕ И КАРЛСОНЕ

...Карлсон хarkнул мимо урны и улетел
Данила Давыдов

ради простуженных голосов в ночных магазинах
ради горячих сердец под капотами легковых машин

в центр города в полночь слетаются души красивых
умных и в меру упитанных мужчин
захватывают кафе и бензоколонки
ревнители неглаженного белья
гроза отечественной обороны
один из них ты а возможно я

они перегаром на звезды дышат
в скверах распугивают ворон
и отъезжает твоя стокгольмская крыша
в охваченный бурьяном микрорайон

ты ждёшь пока фонарь под глазом потухнет
просыпаешься мёртвый и больше вообще не спишь
и в один прекрасный день читаешь на стене в кухне:
«ты никогда не повзрослеешь Малыш»

жизнь справляется с нами одним ударом
когда осень на горло наступает со всех сторон
и всё что горит это луна над баром
похожая на монету в пять шведских крон

и мы пьянем уже просто понюхав пробку
погибаем с грацией подбитого корабля
но по привычке ищем на брюхе кнопку
если вдруг уйдёт из-под ног земля

ИЗ ЦИКЛА «СТИХИ О ВИНЕ И ГЛИНТВЕЙНЕ»

* * *

И в тот же вечер я тебе сказал,
что ты, иными говоря словами,
не женщина, а облако в слезах
над нашими большими городами.

Неслабый дождь со спиртом пополам
им заливал глаза в стальной оправе,
а я сдавал спасителя ментам,
воздушный поцелуй ему отправив,

и я в упор не видел берегов,
склонялся ангел надо мной в печали,
когда мой рейтинг падал мордой в плов
с таких высот, что еле откачали.

А завтра в нашей северной стране,
в которой занят я полураспадом
недорогих кафе во глубине,
привококут и мне канистру с ядом.

Всё оживёт – бумажные цветы,
убитые дорогой километры,
твой мёртвый телефон и даже ты
в слепой воронке мусорного ветра.

Сойдя с парома где-нибудь в Литве,
ты мне соврётся, что путь назад заказан
и что не кровь на блузке, а глинтвейн,
разбавленный холодным польским джазом.

Повалит снег, и я услышу, как,
приняв стакан, практически в отрубе,
играет на трубе один чувак
в прокуренном насквозь варшавском клубе –

спалив дотла огнем тяжёлых нот
нутро бессонной европейской ночи,
он слишком много на себя берёт,
вокзалы и пивные обесточив.

Пускай уже и музыка не та,
что доносилась с площади де Голля,
когда нас обнимала пустота
и мы тонули в ней, как в алкоголе,

но всё равно – ни жить, ни умереть
нельзя, пока, растягивая соло,
царь иудейский выдувает медь
из наших разговоров невесёлых.

ОТКРЫТКА ИЗ ВИЛЬНЮСА

Галине Крук

картонная бабочка выпорхнула из рук
и растаяла в воздухе хлопнув дверью
нержавеющий ливень молча стоит вокруг
и теряет время

я никогда не узнаю – настолько почерк размок –
где теперь тебя носит словно письмо в бутылке
и в каком кафе цеппелина свинцовый бок
распорот ножом и вилкой

под какими звёздами дыхание затая
за тобой наблюдает уже полвокзала
а из динамиков льётся через края
первый весенний гром со вкусом металла

я тебя буду помнить даже когда умру
так вот они и звучат на улице и в квартире
чайкам не обломившиеся слова на морском ветру
и не поймёшь что в записи а не в прямом эфире

к северу от границы крутят песню о двух мирах
заткнувшую глотку морю и антициклону
это вильнюсский поезд несётся на всех парах
жемайтийского самогона

ИЗ ЦИКЛА «СОНЕТЫ НА КАРАНТИНЕ»

* * *

Когда-нибудь, Мари, мы вспомним это:
закрытый бар, аптечную лазурь,
артподготовку грозового лета,
похмелье новых социальных бурь,

чумной проспект, автобусы пустые,
ночной звонок, границу на замке,
блокпост в подъезде, вспышку наготы и
твой сон на незнакомом языке,

сплошную дезинфекцию ладоней,
что всё смелей, светлей и незаконней,
доверие к жестоким чудесам

и поцелуй без маски – через годы
казаться будет он глотком свободы
с грехом, как говорится, пополам.

* * *

Над бездной света и адреналина
качается морская колыбель,
и опустел на время карантина
полуоткрытый полуостров Хель.

Играет на высоковольтных струнах
поддатый ветер, и гудит стекло.
Мы целовались там, где дом на дюнах
песками всех времён позанесло,

где, как в кино, неведомая сила
волной вселенской хвори с пляжа смысла
мозаику мужских и женских тел,

и сколь бы ни был наш финал плачевен –
я выбираю полуостров Hell,
пусть даже где-то рядом остров Heaven.

* * *

Читая Алексея Иванова,
ты мне писала о своей любви,
и я забыл, что не опять, а снова
мы все живём в общаге-на-крови.

В Варшаве искра божья солнце застит,
свет лампы – как расплавленный металл.
Я уезжал на станцию Ненастье,
и дождь наотмашь по стеклу хлестал.

Я б навсегда увёз тебя в Пиллау,
но вновь земля под нами запылала,
а небо перевёрнуто вверх дном.

Мой детский мир, он сам себя угробил:
Джон Донн уснул, географ глобус пропил,
к коньячным звездам убыл астроном.

* * *

Замрёшь на светофоре-светлячке –
да, счастье, словно дым табачный, зыбко,
но сердце мое бьётся на крючке,
как чокнутая золотая рыбка.

Огнём красивых слов горит блесна,
и там, где ищет дно страна чужая,
нас ловит сероглазая весна,
нетерпеливо леску обрывая.

Когда варшавский городской прибор
меня на берег выбросит пустой,
и я пойму, что жизнь прошла впустую,

хотя бы пару слов мне напиши,
устрой мне вентиляцию души.
– Искусственную?
– Всё равно, какую.

БЛЮЗ ДОЛГОГО ПЕРЕКУРА

Где-то на Южном фронте оттепель, как всегда.
А у меня на сердце холодно – как всегда.
Дым выдыхают медленно далёкие города.

Планета решила на бок на полном ходу прилечь,
она так устала, что ей бы на пару суток прилечь,
спецовку дождя и снега снимая с широких плеч.

Время сошло с конвейера, отбившись совсем от рук.
Время вчера на меня работало – но вот, отбилось от рук.
Мы вырубим электричество, чтоб замерло всё вокруг.

И будет земля молчать, что бы я ни сказал.
Земля опять отмолчится, что бы я ни сказал.
Морщины её живописны, как Беломорканал.

Вспыхните зажигалками – в топку остаток дня.
Перекурите, щедрые, хоть до исхода дня.
Разбитые батальоны просят у вас огня.

Милая, как невесел снега ночной полёт.
Трубы горят на взлетной – но отменён полёт,
только в стакане с топливом никак не растает лёд.

Вот бы на север уехать в вагоне полупустом.
Обнимешь меня, прощаясь, в вагоне полупустом –
словно река, мелькнувшая под разводным мостом,

и вспомнишь, как отступали убойные холода,
как к выходным вернулись отступившие холода,
антрацитовый вторник, пепельная среда.

Дарья Бонет. Песнь моря.
Холст, масло, 80X100.